МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ

Н. ЕЗЕРСКІЙ.

ОИК
Е 42

ЧЕГО ХОТЯТЪ НѢМЦЫ И ЧЕГО ХОТИМЪ МЫ СЪ СОЮЗНИКАМИ?

1917.

ПРИ ВРЕМЕННОМЪ КОМИТЕТѢ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Цѣна 40 коп.

ОИК
17г

Из: Каранд. полиции
Стац

МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ

Н. ЕЗЕРСКІЙ.

ЛМ
Е42

1-й экз. сс. фонда

ЧЕГО ХОТЯТЪ НѢМЦЫ И ЧЕГО ХОТИМЪ МЫ СЪ СОЮЗНИКАМИ?

ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА
И. К. П.
161152

1917.

ПРИ ВРЕМЕННОМЪ КОМИТЕТѢ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Цѣна 40 коп.

ОИК

МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ.
Москва, Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

БРОШЮРЫ

Подъ ред. Проф. Н. Н. Алексѣева.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ Собранія 1613 и 1917 г. Ц. 30 коп.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы русской революціи. Ц. 25 коп.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли соціальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Ц. 30 коп.

ПОЯВЯТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое соціализмъ?
8. Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время.
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЬЯНЪ. Что такое свобода.
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція.
12. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и современный «большевизмъ».
14. Проф. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ.
17. Проф. М. Н. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ Учредительномъ Собраніи.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОИМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. «Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками».
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхованіе отъ безработицы.

Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками?

Три года ведемъ мы кровопролитную войну, три года весь міръ живетъ въ стѣсненіи, производство всѣхъ товаровъ, торговля, сообщенія между странами сократились; не только воюющія, но даже мирныя страны, какъ Голландія и Швейцарія, голодаютъ. Естественно, что всѣ желаютъ скорѣйшаго мира. А между тѣмъ мы знаемъ и чувствуемъ ,что просто замириться нельзя, что нужно принять мѣры, чтобы этотъ ужасъ и разореніе больше не повторялись. Намъ нуженъ прочный миръ на справедливыхъ началахъ. Но чѣмъ обезпечить намъ этотъ миръ? До какого предѣла вести войну, чтобы достигнуть прочнаго и справедливаго порядка между народами?

Все больше укрѣпляется общее убѣжденіе, что эта война не должна преслѣдовать выгодъ отдѣльнаго народа, что если въ итогѣ этой войны сильный народъ ограбитъ слабаго, отниметъ чужую область, то это послужитъ когда-нибудь поводомъ новой войны, какъ войны 1870 г. между французами и нѣмцами, когда нѣмцы отняли у французовъ двѣ области и взыскали съ нихъ 2 милліарда рублей контрибуціи, послужила началомъ безконечно увеличивавшихся вооруженій въ Европѣ и бросила зародышъ нынѣшней войны. Вмѣсто узкихъ, властолюбивыхъ и захватныхъ цѣлей, господствовавшихъ прежде у отдѣльныхъ народовъ, должна быть поставлена широкая общечеловѣческая цѣль, чтобы всѣмъ народамъ стало легче: если нашему поколѣнію суждено поплатиться такими неисчислимыми жертвами, то пусть хоть наши дѣти и внуки ихъ больше не видятъ. Однако сдѣлать это нелегко. Мы должны ясно понять положеніе разныхъ народовъ, оцѣнить наши силы и средства и найти не на словахъ, а на дѣлѣ путь къ прочному миру.

Такъ какъ война началась у насъ при царѣ, то многіе думаютъ, что она затѣяна царями изъ своихъ выгодъ и народамъ нѣтъ никакого дѣла до нея. Мы уже стали забывать, какъ началась война и почему въ нее вмѣшались

союзники наши, французы и англичане; мы даже не вдумываемся въ то, что Франція и Америка—республики со всеобщимъ голосованіемъ, а въ Англіи хоть есть король, но безвластный, государствомъ же управляютъ народные представители и министры изъ тѣхъ же представителей подъ ихъ надзоромъ. Намъ говорятъ, тамъ царствуютъ одни капиталисты и будто наши союзники, какъ и нѣмцы, думаютъ только о захватахъ. Именно нѣмцы—всѣ нѣмцы, даже и соціалъ-демократы,—стараются увѣрить насъ, что всѣ народы виноваты въ этой войнѣ, пытаясь оправдать самихъ себя и снять съ себя отвѣтственность за то, что поддерживали съ начала войны своего императора Вильгельма въ его захватныхъ планахъ.

Это утвержденіе нѣмцевъ—ложь. Какъ справедливо указалъ соц.-рев. Бунаковъ на съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ въ Петроградѣ, войну начали нѣмцы. Вкратцѣ дѣло обстояло такъ [1]). Въ іюнѣ 1914 г. въ Австріи былъ убитъ наслѣдникъ императорскаго престола Францъ-Фердинандъ, большой другъ императора Вильгельма. Убилъ его австрійскій сербъ, то-есть его же подданный. Такихъ православныхъ сербовъ-славянъ въ Австріи много, потому что австрійцы захватили двѣ сербскія области Боснію и Герцеговину, отчего у сербовъ была давная вражда къ нимъ. Самостоятельная Сербія представляетъ маленькую страну въ десять разъ меньше Австріи, въ сосѣдствѣ съ Босніей, и всѣ порабощенные нѣмцами-австрійцами сербы смотрѣли на своихъ свободныхъ соплеменниковъ, въ надеждѣ когда-нибудь соединиться съ ними въ свободное государство; туда же стали тянуть и другіе подданные Австріи—хорваты, тоже сербскаго племени, но католической вѣры, какъ наши поляки. Австрійскій императоръ давно жалъ Сербію, стѣснялъ ея торговлю, мѣшалъ расширенію: когда въ 1912 г. сербы отвоевали у турокъ себѣ выходъ къ морю (Адріатическому), чтобы быть свободными отъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ и морскихъ гаваней, то австрійцы настояли на томъ, чтобы отобрать у нихъ этотъ берегъ моря и отдать его полудикому племени албанцевъ, которые никогда никакой торговлей и мореплаваніемъ не занимались, а жили грабежомъ сосѣдей. Австрійцы образовали изъ нихъ особое королевство и посадили имъ въ короли нѣмецкаго принца Вида, котораго албанцы впрочемъ скоро

---

[1]) Подробнѣе о причинахъ войны см. Огановскаго «Отчего загорѣлась великая европейская война?» Ц. 30 коп. изд. «Задруга» въ Москвѣ.

выгнали; австрійцы стали подкупать и вербовать шайки албанцевъ для набѣговъ на Сербію; такой набѣгъ дѣлали въ 1913 г. албанцы на г. Призренъ. Хуже того, австрійцы сумѣли поссорить сербовъ съ ихъ союзниками—болгарами, и благодаря нѣмецкимъ происканъ и науськиванію, союзники передрались между собой, болгары были побиты въ 1913 г., а теперь совсѣмъ передались нѣмцамъ. Сербы—народъ храбрый и рѣшительный и отъ нѣмцевъ оборонялись успѣшно. За послѣдніе полвѣка у нихъ царствовали два совершенно негодныхъ короля—Миланъ и потомъ сынъ его Александръ, которые продавали свое отечество нѣмцамъ. Тогда сербы убили Александра, его жену, его шурьевъ, истребили всю династію и возвели на престолъ Петра, потомка перваго освободителя Сербіи отъ турокъ, Кара-Георгія. Австрійцы не могли успокоиться, пока у нихъ рядомъ, какъ бѣльмо на глазу, основалась свободная Сербія, которая, несмотря на прижимки нѣмцевъ, росла и богатѣла: нѣтъ тамъ ни помѣщиковъ, ни крупныхъ капиталистовъ, правда, мало фабрикъ, но зато крестьянство, на хорошей землѣ съ теплымъ влажнымъ климатомъ, живетъ богато и независимо, а городской народъ близокъ къ крестьянству и живетъ просто: король запросто гуляетъ и заходитъ въ избы; жена перваго министра сама ходитъ на базаръ за мясомъ и овощами къ обѣду. Въ томъ-то и была сила сербскаго народа,—въ тѣсномъ единеніи всѣхъ его гражданъ, дорожившихъ свободой отечества выше всего на свѣтѣ.

Австрійцы рѣшили воспользоваться убійствомъ своего наслѣдника престола, чтобы забрать Сербію въ свои лапы. Они объявили, что убійство подстроено сербскимъ правительствомъ и 12 іюля 1914 г. потребовали у Сербіи не только наказанія сообщниковъ убійцъ, но преслѣдованія всѣхъ, кто сочувствовалъ освобожденію австрійскихъ сербовъ, а себѣ выговаривали право самимъ производить розыски виновныхъ въ Сербіи, то-есть требовали себѣ всю Сербію на судъ и расправу. Согласиться на это—значило отказаться отъ независимости и отдать тысячи людей на произволъ мстительныхъ нѣмцевъ. Австрійцы сами знали, что согласиться на ихъ требованія нельзя, и послали ихъ только, чтобы послѣ отказа Сербіи имѣть предлогъ объявить войну и захватить всю Сербію безъ остатка. Какъ бы на смѣхъ, они дали сербамъ всего два дня на размышленіе. Сербы согласились наказать всѣхъ дѣйствительныхъ виновниковъ убійства, даже обѣщали прекратить у себя противо-нѣмецкую агитацію, но одного

не могли допустить,—чтобы австрійскіе чиновники распоряжались у нихъ, какъ дома. Несмотря на оскорбленіе, нанесенное имъ дерзкимъ требованіемъ, сербы отвѣтили по совѣту Россіи спокойно и примирительно, чтобы избѣжать войны. Но у австрійцевъ съ нѣмцами война была рѣшена, и 15 іюня Австрія объявила войну Сербіи.

Надѣясь удержать австрійцевъ отъ этого захвата, Россія требовала отсрочки для отвѣта Сербіи, но видя приготовленія Австріи, и Россія стала мобилизовать и придвигать часть своей арміи къ австрійской границѣ, чтобы не дать нѣмцамъ наброситься всѣми силами на маленькую Сербію. Вмѣшались другія державы, чтобы предотвратить войну. Франція давно была нашей союзницей, она готовилась насъ поддержать, но прежде всего старалась избѣжать войны. Кромѣ нея двѣ великія державы—Англія и Италія,—совершенно непричастныя къ спору и незаинтересованныя въ судьбѣ Сербіи, предложили передать австро-сербскій споръ на третейскій судъ другихъ державъ, чтобы разрѣшить его мирно, по справедливости. Россія и Сербія тотчасъ же согласились, согласилась и Австрія, зачинщица спора. Тогда императоръ Вильгельмъ, видя, что его затѣя можетъ не выгорѣть, бросился на Россію: онъ предъявилъ намъ требованіе демобилизовать (разоружить) нашу армію въ то время, какъ онъ самъ вооружался, и далъ всего 12 часовъ на отвѣтъ. Очевидно, онъ впередъ былъ увѣренъ, что послѣдуетъ отказъ, ибо не могли же мы остаться безоружными передъ нѣмецкимъ натискомъ, и, не дождавшись отвѣта, германскій кайзеръ объявилъ намъ войну 19 іюля. Франція—наша союзница, и потому Вильгельмъ, не дожидаясь никакихъ дѣйствій съ ея стороны, набросился на нее и 21 іюля объявилъ ей войну, выдумавъ предлогомъ, будто французскіе аэропланы летали надъ германскими городами и бросали бомбы, хотя никто даже изъ нѣмцевъ этихъ аэроплановъ не видалъ и хотя было удостовѣрено, что въ эти дни ни одинъ французскій военный аэропланъ не снимался съ мѣста.

Такимъ образомъ началъ войну Вильгельмъ. Онъ не случайно, а намѣренно подвелъ дѣло къ войнѣ и даже ускорилъ объявленіе ея, чтобы помѣшать мирнымъ усиліямъ другихъ державъ. И не одинъ Вильгельмъ ее желалъ. Когда 22 іюля собрался германскій рейхстагъ (нѣмецкая дума), то всѣ партіи, въ томъ числѣ сто человѣкъ соціалъ-демократовъ, одобрили войну и дали на нее денегъ, сколько требовалъ Вильгельмъ. Одинъ соціалистъ Либкнехтъ возражалъ, продолжалъ и потомъ агитацію противъ войны

и былъ за то посаженъ въ каторжную тюрьму, гдѣ и сидитъ уже два года. Но одна ласточка не дѣлаетъ весны и одинъ нѣмецъ не оправдываетъ всего народа. Былъ еще другой, который скрылъ свое имя и напечаталъ въ Швейцаріи книгу, гдѣ день за днемъ разсказалъ всѣ переговоры, происходившіе передъ войной и ясно доказалъ, что единственной виновницей ея была Германія.

Но ея вина не ограничилась этимъ. Въ первые же дни войны она совершила новое преступленіе, еще болѣе позорное, потому что оно соединилось съ вѣроломствомъ и насиліемъ надъ слабымъ. Нѣмцамъ было удобнѣе напасть на Францію не прямой дорогой, гдѣ были сильныя крѣпости, Бельфоръ и Верденъ, такъ успѣшно въ 1916 г. отразившій всѣ приступы нѣмцевъ. Легче былъ кружный путь черезъ Бельгію, которая не имѣла ни большой арміи, ни сильныхъ крѣпостей. Въ ней всего 7 милліоновъ жителей, въ восемь разъ меньше, чѣмъ въ Германіи, и нѣмцы разсчитывали справиться съ ней такъ же легко, какъ Австрія—съ Сербіей. Но Бельгія издавна была объявлена *нейтральной*, то-есть непричастной ни къ какимъ войнамъ обязалась не участвовать въ нихъ и не помогать никакой воюющей сторонѣ: когда во франко-прусскую войну 1870 г. часть французскихъ солдатъ послѣ сраженія при Седанѣ прорвалась изъ нѣмецкаго плѣна въ Бельгію, то была тамъ обезоружена. Съ своей стороны и сильныя державы-сосѣдки обязались не трогать Бельгіи. *Это обязательство подписала и Германія.* За два дня до объявленія войны германскіе соціалъ-демократы были въ Бельгіи на съѣздѣ, братались съ бельгійскими рабочими и говорили о единеніи всѣхъ трудящихся. Черезъ два дня послѣ объявленія войны Вильгельмъ прислалъ бельгійскому королю Альберту требованіе, вопреки всѣмъ договорамъ, пропустить германскую армію черезъ Бельгію; и ни одинъ германскій соціалъ-демократъ не поднялъ голоса противъ этого. Бельгійское правительство, помня свое обязательство, отказало въ пропускѣ. Тогда Вильгельмъ ворвался силою, и германская армія, на треть состоящая изъ соціалъ-демократовъ, пошли бить и грабить мирный бельгійскій народъ. Бельгійцы встали, какъ одинъ человѣкъ, на защиту неприкосновенности своего отечества; демократъ по убѣжденіямъ, король Альбертъ, вмѣстѣ съ вождемъ бельгійскихъ соціалъ-демократовъ Вандервельде, взялся за организацію обороны страны. Но бельгійцы одни были слишкомъ слабы. Въ дѣло вмѣшалась другая великая

держава, поручившаяся за ея неприкосновенность —Англія. Выше уже сказано, что англичане старались предотвратить войну, хотѣли мирно уладить споръ изъ-за Сербіи и надѣялись что выступать имъ не придется тѣмъ болѣе, что и войска у нихъ почти не было; ихъ сила была во флотѣ, самомъ сильномъ въ мірѣ. Когда нѣмцы насѣли на Бельгію, англичане возмутились и встревожились. Бельгія гораздо ближе къ Англіи, совсѣмъ подъ бокомъ, отдѣленная только морскимъ проливомъ въ сто верстъ; у бельгійцевъ давнія дружескія отношенія съ Англіей, и Англія была прямой поручительницей за цѣлость Бельгіи. Англичане заявили нѣмцамъ рѣшительно, что они не могутъ допустить ея захвата, и напомнили имъ общее обязательство подписанное и Германіей; на это германскій министръ отвѣтилъ, «что намъ эта бумажка!» Такъ открыто и грубо призналъ онъ, что подпись нѣмцамъ ничего не стоитъ. Этотъ отвѣтъ намъ очень важно запомнить и держать въ умѣ, обсуждая теперь условія, какія нужны для *прочнаго* мира.

Нѣмцы пытались подкупить англичанъ, предлагали имъ тоже поживиться насчетъ сосѣдей, хотѣли добиться, чтобы Англія осталась нейтральной, непричастной къ войнѣ, такъ какъ боялись ея флота. Англичане отвергли всѣ нѣмецкія предложенія, прямо назвавъ ихъ безчестными. Истощивъ всѣ способы образумить нѣмцевъ и сохранить миръ, они сами объявили имъ войну. Съ такой неохотой начинали англичане войну, какъ мало были готовы къ ней, видно изъ того, что у нихъ тогда было всего 150 тыс. солдатъ,—ничтожное количество, которымъ они пытались помочь бельгійцамъ, но не могли спасти ихъ. Послѣ отчаянной борьбы Бельгія была вся захвачена нѣмцами. Правда, нѣмцы не ожидали такого сопротивленія, потеряли въ Бельгіи нѣсколько недѣль, и когда явились во Францію, французы, тоже застигнутые врасплохъ войной, успѣли уже подготовиться, и хотя должны были сперва отступить, отдать нѣмцамъ нѣсколько департаментовъ (уѣздовъ), но на рѣкѣ Марнѣ дали имъ большое сраженіе, отбили ихъ, отстояли свою столицу Парижъ и даже нѣсколько продвинулись впередъ. Затѣмъ надолго установилось равновѣсіе силъ; и нѣмцы, и французы врылись въ землю и не давали другъ другу двинуться; отчаянныя атаки нѣмцевъ на Верденъ въ теченіе болѣе полугода (1916 г.) стоили имъ 400 тыс. человѣкъ, а не подвинули ихъ ни на вершокъ ближе къ Парижу. Въ теченіе 3 лѣтъ англичане и французы, не будучи достаточно сильны, чтобы опрокинуть нѣмцевъ, своимъ стойкимъ сопротивленіемъ удерживали 2-милліон-

ную германскую армію на своемъ фронтѣ. Между тѣмъ, начиная войну, Вильгельмъ именно разсчитывалъ сразу наброситься черезъ Бельгію на Францію, пока она не подготовлена, захватить Парижъ и покончить съ французами, раньше чѣмъ мы соберемъ войска изъ своихъ необъятныхъ степей. Тогда пришлось бы намъ однимъ выдерживать натискъ всей германской арміи. Тогда, какъ и теперь, союзники выручали насъ.

Вотъ какъ дѣйствительно началась война. Что никто изъ насъ и союзниковъ не хотѣлъ и даже не предвидѣлъ скорой войны, видно изъ того, что никто не былъ къ ней подготовленъ, что мы не могли спасти Сербію, а англичане съ французами—Бельгію, что нѣмцы захватили въ 1914 г. Бельгію и часть Франціи, въ 1915 г. 17 русскихъ губерній, Сербію, Черногорію, въ 1916 г. часть Румыніи. Они открыто заявляли и приводили въ исполненіе свои завоевательные планы. Относительно Бельгіи уже не свободнаго пропуска требовали они, а полнаго подчиненія, воспользовались ея портовыми городами для своего флота, ея фабриками, рабочими силами, всѣми богатствами. Въ Сербіи австрійцы уже не разыскивали виновниковъ убійства своего наслѣдника, а просто грабили и покоряли себѣ всю страну, увозили хлѣбъ, уводили скотъ, а потомъ и самихъ жителей. Изъ всѣхъ покоренныхъ странъ они взяли сотни тысячъ рабочихъ и принудительно, какъ крѣпостныхъ рабовъ, заставляютъ ихъ работать на себя, на германскую армію.

Правильно ли поступила Россія и союзники, принявъ вызовъ нѣмцевъ? Не лучше ли было бы предоставить сербовъ и бельгійцевъ въ жертву завоевателямъ и избѣжать міровой войны?

Мы всѣ осуждаемъ прежнюю политику царей въ родѣ Вильгельма, которые заботятся только о выгодахъ своего правительства и считаютъ, что между народами можно не соблюдать правилъ честности и человѣколюбія, которыя обязательны между отдѣльными личностями въ частной жизни. Мы знаемъ, что не можетъ быть двухъ противоположныхъ заповѣдей нравственности, какъ нѣтъ двухъ Евангелій. Взглянемъ же на дѣло, какъ бы оно происходило между отдѣльными людьми. Если я вижу, что на улицѣ нападаютъ на слабаго человѣка, вдесятеромъ на одного, если я знаю, что онъ будетъ ограбленъ и вѣроятно убитъ, я же самъ достаточно силенъ и вооруженъ, чтобы защитить его, то неужели я отойду въ сторону, оправдываясь тѣмъ, что не хочу проливать лишней крови, и съ этой отговоркой допущу насиліе? Не назовутъ ли меня

за это Іудой-предателемъ или Понтіемъ Пилатомъ, который дастъ распять невиннаго, и умываетъ себѣ руки, думая, что онъ очищаетъ ихъ отъ крови мученика; мы знаемъ, что эта кровь осталась на немъ, хоть не онъ самъ вколачивалъ гвозди въ Христа.

Это малодушіе и предательство становится вдвое подлѣе, когда страдаетъ отъ насилія мой близкій другъ или родственникъ, который смотритъ на меня, какъ на старшаго брата, отъ меня именно ожидаетъ помощи. Какъ разъ это и было съ сербскимъ народомъ, который по своему славянскому племени и православной вѣрѣ, по простотѣ своей жизни и демократическому духу своихъ крестьянъ-земледѣльцевъ ближе всѣхъ другихъ народовъ подходитъ къ намъ, русскимъ. Давно, сто лѣтъ тому назадъ, когда сербы были еще въ рабствѣ у турокъ и вели геройскую борьбу за свое освобожденіе, мы помогали имъ въ этомъ, и съ тѣхъ поръ въ трудныя минуты они всегда обращались къ намъ. 12 іюля 1914 г. передъ смертельной опасностью австрійскаго нашествія они опять обратились къ намъ, своимъ старшимъ и сильнымъ братьямъ, съ мольбой о помощи. Неужели надо было отвернуться отъ него? Неужели мы, только что освободившіеся сами, останемся теперь глухи къ мольбѣ братскаго народа объ освобожденіи отъ нѣмецкаго ига его родной земли? Вѣдь тутъ идетъ рѣчь не объ аннексіи, не о присоединеніи Сербіи къ Россіи, а о томъ, чтобы освободить ее, не дать нѣмцамъ присоединить ее къ Австріи. Бельгія дала ту же задачу Англіи, что намъ Сербія: не дать нѣмцамъ поживиться за ея счетъ. Нѣмцы взяли съ Бельгіи уже больше 500 милліоновъ рублей деньгами, да кромѣ того вывезли хлѣбъ, запасы сырья, машины, сто тысячъ бельгійскихъ рабочихъ закабалили на своихъ фабрикахъ, кормятъ ихъ впроголодь и крадутъ у нихъ ихъ трудъ, за который они въ другой странѣ получали бы высокій заработокъ. Ограбивши такъ Бельгію, нѣмцы, въ томъ числѣ и соціалъ-демократы, теперь предлагаютъ: давайте миръ безъ контрибуцій, то-есть такъ, чтобы ни одинъ народъ никому не платилъ за разореніе отъ войны. Нѣмцы говорятъ, что согласны даже очистить Бельгію, оставить ее самостоятельнымъ государствомъ, только свои гарнизоны въ главныхъ городахъ поставить,— какая ужъ тутъ самостоятельность, когда иностранные солдаты во всякую минуту въ народъ стрѣлять могутъ! Но нѣмцы совсѣмъ замалчиваютъ, согласны ли они вернуть бельгійцамъ все, что у нихъ награбили, заплатить за все сожженное, испорченное, за разрушенные города и вы-

топтанныя поля. Бросить ли бельгійцевъ на произволъ судьбы, оставить ли ихъ нищими?

Кромѣ христіанскаго чувства жалости къ обиженнымъ задавленнымъ братьямъ, у насъ и союзниковъ есть основательный страхъ и за себя. Если дать нѣмцамъ захватить теперь Сербію, Польшу, Румынію или какую-нибудь другую страну, если позволить имъ обогатиться насчетъ Бельгіи и вообще захваченныхъ ими областей, то это только поощритъ ихъ къ дальнѣйшимъ захватамъ и грабежамъ. Имѣя больше подвластныхъ народовъ, безсовѣстно эксплуатируя ихъ трудъ, нѣмцы станутъ еще сильнѣе и могутъ повторять, отъ времени до времени, свои набѣги на сосѣднія страны, жирѣя каждый разъ на чужой счетъ. Вѣдь безнаказанность преступленія соблазняетъ человѣка на новыя злодѣйства; сколько людей стали преступниками, потому что первыя дѣла, какія-нибудь мелкія кражи, сходили имъ съ рукъ. И если бы теперь нѣмцамъ сошло благополучно ихъ неслыханное злодѣйство—вызванная ими міровая война, то отъ нихъ потомъ никому не было бы покоя.

Наконецъ у каждаго изъ главныхъ союзниковъ есть и свои особыя причины бояться нѣмецкой побѣды. Нѣмцы—ихъ ученые, писатели, генералы—давно и открыто писали, что они хотятъ поставить Германію выше всѣхъ государствъ на свѣтѣ, заставить всѣ народы исполнять ея волю. Они давно намѣтили себѣ и пути къ тому. Одинъ путь велъ ихъ на Западъ, другой на Востокъ. Нѣмцы ведутъ большую торговлю, поэтому имъ нужны гавани, приморскіе города для погрузки и выгрузки кораблей, для постройки и содержанія военнаго флота. У нихъ самихъ есть уже такія гавани, напр. Гамбургъ, одинъ изъ самыхъ большихъ торговыхъ городовъ въ свѣтѣ. Но имъ этого было мало. Ихъ манили бельгійскія гавани, особенно Анверъ, откуда короче былъ путь въ далекія заморскія страны, а главное,—бельгійскіе города лежатъ близко къ Англіи; еще Наполеонъ называлъ Анверъ револьверомъ, направленнымъ на Англію. Противъ нее же какъ разъ у нѣмцевъ и идетъ наибольшая вражда, причины которой надо объяснить подробно.

Англичане уже давно, больше двухсотъ лѣтъ назадъ, начали развивать свою промышленность и торговлю, заводить фабрики и мастерскія, строить корабли, на которыхъ ихъ издѣлія вывозились въ далекія страны, а оттуда привозился хлѣбъ, сало, кожа, разное сырье, которое перерабатывалось въ издѣлія англичанами. Ставъ хорошими мореплавателями, англичане открыли много земель,

а тысячи англичанъ ежегодно уѣзжали туда, поселялись тамъ, устраивали *колоніи*, то-есть заморскія владѣнія Англіи. Самая большая изъ этихъ колоній отдѣлилась и образовала самостоятельное государство,—нынѣшніе Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Эта торговля и колоніи страшно обогатили Англію. Ея промышленность все увеличивалась, торговыхъ кораблей стало больше, чѣмъ у какого-нибудь народа, а для охраны торговли и колоній они выстроили большой флотъ военныхъ кораблей, самый огромный въ мірѣ. Потому то Англія и стала зваться «владычицей морей».

Германія очень долго была земледѣльческой страной; только мѣстами въ городахъ процвѣтали ремесла. 47 лѣтъ тому назадъ вся Германія объединилась въ имперію; побѣдивъ Францію, она стала одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ по своей сухопутной арміи. Взявъ съ Франціи двѣ тысячи милліоновъ рублей контрибуціи, нѣмцы стали строить фабрики, развивать промышленность. Народу въ Германіи прибавлялось, всѣмъ нуженъ былъ заработокъ, а купцамъ и фабрикантамъ барышъ отъ издѣлій. Своего хлѣба не хватало, стали привозить изъ-за границы, больше всего изъ Россіи, но, чтобы оплатить ввозъ, нужно было сбывать свои издѣлія за границу. Нѣмцы—народъ образованный, трудолюбивый, нельзя сказать, чтобы очень способный, но упорный, настойчивый. Поэтому они могли скоро научиться всякимъ фабричнымъ работамъ, многое сами изобрѣли и улучшили и успѣшно распространяли свои товары по всему свѣту. Тутъ-то имъ пришлось столкнуться съ англичанами. Тѣ уже давно были первымъ торговымъ народомъ въ мірѣ; всюду заѣзжали ихъ купцы, ихъ корабли, и вездѣ были извѣстны ихъ товары, правда дорогіе, но хорошаго качества. Нѣмцамъ приходилось отбивать у нихъ покупателей, предлагая свой товаръ дешевле; хотя онъ былъ похуже качествомъ, но покупатели стали его брать, особенно тамъ, гдѣ народъ не очень образованъ, не умѣетъ хорошо разобраться въ качествѣ заграничнаго товара. Огромное количество товаровъ везли нѣмцы и къ намъ въ Россію и ежегодно продавали на сотни милліоновъ рублей, отбивая у англичанъ русскій рынокъ, такъ напр. сельско-хозяйственныя орудія у насъ пошли теперь почти все нѣмецкія вмѣсто англійскихъ. Сами мы видѣли, сколько пооткрывалось у насъ нѣмецкихъ магазиновъ, сколько пріѣзжало къ намъ нѣмецкихъ приказчиковъ, сколько нашихъ купцовъ выписывало товары изъ Германіи, даже хвастали своимъ «заграничнымъ» товаромъ.

Успѣхъ нѣмцевъ въ торговлѣ былъ большой, Германія богатѣла, заводила себѣ тоже колоніи, строила флотъ. Но успѣхъ дался не даромъ. Приходилось много работать, изучать другія страны, дѣйствовать терпѣніемъ, а иногда и хитростью, чтобы переманить къ себѣ покупателя: нѣмецъ поступалъ въ приказчики къ англичанину, вывѣдывалъ его торговыя тайны, цѣны, сорта товаровъ, адреса заказчиковъ, а потомъ открывалъ свою торговлю и отбивалъ ихъ у англичанина. Трудность была въ томъ, что приходилось на міровомъ рынкѣ отвоевывать себѣ мѣсто, работать, изловчаться, чтобы одолѣть противника. Нѣмцамъ хотѣлось бы имѣть въ своей власти такія страны, гдѣ они могли бы быть полными хозяевами, то-есть колоніи, но лучшія области на землѣ были уже распредѣлены, или представляли самостоятельныя государства, или принадлежали въ качествѣ колоній другимъ, болѣе старымъ державамъ, главнымъ образомъ Англіи и Франціи. Нѣмцы захватили, сколько могли больше земель въ Африкѣ, но пользы отъ нихъ получали пока мало, а потому зарились на богатыя англійскія колоніи. Взять ихъ прямо было нельзя, надо было сперва побить Англію, уничтожить ея сильный флотъ. Поэтому нѣмцы стали усиленно строить корабли. Вильгельмъ объявилъ, что «будущее Германіи—на морѣ», образовался комитетъ для усиленія флота, собиравшій пожертвованія на германскій флотъ даже въ Россіи среди русскихъ нѣмцевъ. Англичане, конечно, не зѣвали; они хорошо понимали, противъ кого вооружаются нѣмцы, они тоже усиливали свой флотъ, закладывали все новые военные корабли. Денегъ сыпалось безъ счета. Англичане пробовали остановить эту безразсудную и безконечную трату денегъ, пробовали договориться съ нѣмцами, чтобы одновременно обоимъ государствамъ пріостановить вооруженія кораблей, но съ нѣмцами никакого сладу не было; такъ и продолжались траты и все-таки англичане сохранили перевѣсъ въ своемъ привычномъ морскомъ дѣлѣ. Нѣмцы, желая получить перевѣсъ надъ англичанами, откладывали борьбу съ ними до будущаго, а въ эту войну разсчитывали разбить Францію (о Россіи скажемъ дальше), захватить ея колоніи, пополнить свою казну большой контрибуціей съ нея и укрѣпиться въ Бельгіи насупротивъ англійскаго берега, чтобы потомъ имѣть возможность во всякое время напасть на Англію. Неглупые люди нѣмцы, а своихъ противниковъ всегда считаютъ дураками: они воображали, что англичане будутъ, сложа руки, смотрѣть, какъ нѣмцы наживутся на счетъ Франціи и Россіи, какъ осядутъ въ

Бельгіи и на пріобрѣтенныя войной богатства выстроятъ себѣ вдвое большій флотъ и тогда въ одиночку разобьютъ англичанъ. Вторженіе въ Бельгію, помимо своей неправоты и жестокости, всполошило англичанъ потому, что открыло всѣмъ планы нѣмцевъ: какъ бы противъ оконъ своего дома англичанинъ увидалъ вооруженнаго человѣка, который засѣлъ и сторожитъ каждое его движеніе, готовый стрѣлять, какъ только ему выдастся удобный случай. Конечно, ни одинъ народъ такого положенія не вынесъ бы, и англичане, предъявивъ рѣшительное требованіе (ультиматумъ) не трогать Бельгіи, объявили нѣмцамъ войну, когда тѣ не исполнили этого требованія, основаннаго на международныхъ договорахъ. Нѣмцы нажили себѣ новаго врага раньше, чѣмъ ожидали, притомъ врага опаснаго своимъ превосходствомъ на морѣ.

Дѣйствительно, съ первыхъ же дней нѣмецкій флотъ вынужденъ былъ прятаться отъ англичанъ, которые переловили по всѣмъ морямъ нѣмецкіе корабли, бывшіе въ пути, прервали всю заморскую торговлю нѣмцевъ, нѣсколько разъ наносили пораженія ихъ военнымъ кораблямъ и заперли ихъ въ германскихъ гаваняхъ. Даже захватъ Бельгіи въ этомъ отношеніи не помогъ нѣмцамъ; они могутъ теперь только подкрадываться на подводныхъ лодкахъ и топить мирные торговые корабли притомъ не только англійскіе, но и посторонніе, принадлежащіе невоюющимъ народамъ и идущіе въ Англію или оттуда. Такъ они потопили корабль Лузитанію, на которой ѣхали 500 американцевъ, среди нихъ много женщинъ и дѣтей; топили они и пароходы Краснаго Креста съ ранеными, топили пароходы и голландскіе, и датскіе, и норвежскіе. Это все маленькіе народы, которые не въ силахъ защитить свои корабли. Но между другими нѣмцы стали нападать и топить и американскіе. Соединенные Штаты Сѣверной Америки долго выдерживали свой нейтралитетъ, требовали только отъ нѣмцевъ оставить въ покоѣ мирные корабли, но постоянныя нападенія нѣмцевъ, нарушеніе даваемыхъ обѣщаній и причиняемые убытки заставили наконецъ и американцевъ объявить войну нѣмцамъ. Такъ нажили они новаго сильнаго врага. Это было уже одиннадцатое государство, примкнувшее къ нашему союзу. Штаты имѣютъ около ста милліоновъ жителей, а богатства ихъ неисчерпаемы; промышленность больше, чѣмъ у нѣмцевъ, своего хлѣба вволю, а положеніе ихъ за моремъ таково, что нѣмцы не могутъ нанести имъ никакого вреда, а только отчасти могутъ помѣшать перевозу въ Европу американской арміи, ко-

торая уже набирается и первые отряды которой, несмотря на нѣмецкія подводныя лодки, прибыли во Францію. Выступленіе Америки совпало съ первыми днями русской революціи и отчасти наша революція помогла ему: раньше великая американская республика колебалась вступить въ союзъ съ самодержавнымъ царемъ. Теперь она идетъ рука объ руку съ русской демократіей.

Вотъ какъ постепенно облегла нѣмцевъ съ Запада туча, которую они сами вызвали. Теперь они стараются сбить людей, у которыхъ память коротка или которые недостаточно знаютъ положеніе разныхъ народовъ. Нѣмцы увѣряютъ, будто во всемъ виновата Англія, будто наши союзники думаютъ только какъ бы обогатить своихъ капиталистовъ за счетъ другихъ народовъ. И есть среди насъ люди, которые съ ихъ голоса это повторяютъ и возмущаются союзниками, а не нѣмцами, какъ будто у нѣмцевъ не капиталисты орудуютъ и не Вильгельмъ командуетъ. Почему именно нѣмецкіе капиталисты не подлежатъ общему осужденію и не вызываютъ негодованія со стороны нашихъ мнимыхъ соціалистовъ,—объ этомъ давно уже и безуспѣшно допрашивалъ ихъ извѣстный соціалъ-демократъ Плехановъ.

Конечно всякій купецъ работаетъ изъ-за прибыли, и англійскіе капиталисты оберегаютъ свои интересы. Но разница съ нѣмецкими вотъ въ чемъ. Англичане держатся правилъ свободной торговли. Въ своихъ колоніяхъ, даже въ самой Англіи, они не мѣшаютъ нѣмцамъ торговать, селиться: въ началѣ войны много было обнаружено въ Англіи нѣмцевъ, подъ видомъ торговли занимавшихся шпіонствомъ. При такомъ порядкѣ нѣмцамъ открыты были всюду пути мирно разъѣзжать, торговать, наживать, что они успѣшно и дѣлали. Англичане видѣли ущербъ, какой причиняли нѣмцы ихъ торговлѣ, и хотя нѣкоторые требовали не допускать въ Англію и ея колоніи германскихъ товаровъ, однако англичане не пошли на это, считая несправедливымъ и вреднымъ стѣснять торговлю, стараясь превзойти нѣмцевъ качествомъ издѣлій, перенимая то, что есть у нѣмцевъ хорошаго; напр. за послѣднее время англичане завели много ремесленныхъ и техническихъ школъ. Такая борьба умомъ, знаньемъ, трудомъ приноситъ только пользу всему человѣчеству, она двигаетъ промышленность, улучшаетъ жизнь кругомъ.

Почему нѣмцы отказались отъ этой мирной борьбы и взялись за оружіе? Потому что имъ мало быть равноправными съ другими народами, имъ хочется быть господами, они хотятъ монополіи, то-есть права исключительно

для себя извлекать выгоды изъ торговли; они хотятъ не только выгодно торговать,—они хотятъ властвовать. Англичане во всѣхъ колоніяхъ постепенно вводили самое широкое самоуправленіе. Яркій примѣръ тому Южная Африка. Многіе помнятъ, какъ англичане въ 1900 г. воевали съ бурами и покорили ихъ. А теперь буры пользуются самой широкой автономіей, составляя какъ бы особое государство, больше прежнихъ бурскихъ республикъ, и примирились они съ англичанами такъ основательно, что теперь защищаютъ ихъ противъ нѣмцевъ, которые тщетно старались вызвать тамъ возстаніе противъ англичанъ. На возстаніе пошла только кучка людей, которая была усмирена и весьма легко наказана, несмотря на измѣну.

Есть въ Англіи область, гдѣ населеніе издавна относилось враждебно къ ней,—это Ирландія. Въ прошлые вѣка англичане были во многомъ виноваты передъ ирландцами, которые жили въ нищетѣ, лишенные земли и промысловъ; однако за послѣднюю четверть вѣка англичане сдѣлали все, чтобы загладить вредъ: они дали ирландцамъ самоуправленіе; теперь въ принципѣ рѣшено, что у Ирландіи будетъ свой парламентъ; но главное—англичане провели законъ, по которому всѣ земли въ Ирландіи выкупаются у англійскихъ помѣщиковъ и передаются ирландскимъ земледѣльцамъ за умѣренную плату. Съ начала войны ирландцы заявили поддержку англійскому правительству. Все же нѣмцы попробовали вызвать возстаніе и въ Ирландіи, повезли туда оружіе, послали агитаторовъ. Возстаніе ограничилось главнымъ городомъ Дублиномъ, было скоро подавлено, захваченные на мѣстѣ главные измѣнники были казнены, но другіе, посаженные въ тюрьмы, теперь уже помилованы. Въ великой нынѣшней войнѣ провѣрилась правильность англійскаго способа управленія съ широкой свободой, которая подданныхъ обращаетъ въ союзниковъ, а не враговъ правительства. Сильный и увѣренный въ себѣ народъ не боится чужой свободы и не прибѣгаетъ къ притѣсненіямъ и придиркамъ, чтобы обезпечить себѣ власть: англичанинъ умѣетъ жить самъ и даетъ жить другимъ. Поэтому, если бы даже современная война сводилась только къ борьбѣ англійскаго капитала съ нѣмецкимъ капиталомъ (это узкое и невѣрное пониманіе распространяется нѣмцами), все-таки для блага и свободы человѣчества слѣдовало бы предпочесть побѣду англійскаго.

Однако въ Англіи вовсе не одни капиталисты ведутъ войну. Съ самаго начала войны, весь народъ сплотился,

и рабочій классъ не менѣе дѣятельно помогалъ ей, чѣмъ другіе. Представитель рабочихъ Гендерсонъ вступилъ въ министерство, рабочіе союзы облегчали организацію обороны, добровольно отказывались отъ правъ и льготъ, завоеванныхъ для членовъ союзовъ долговременной борьбой съ фабрикантами, сотни тысячи рабочихъ записывались добровольцами въ армію. Въ основѣ движенія лежало какъ сознаніе опасности для отечества, для благосостоянія его свободныхъ учрежденій, такъ и раздраженіе противъ возмутительныхъ пріемовъ, допускаемыхъ нѣмцами: когда послѣ взрыва Лузитаніи уцѣлѣвшихъ искалѣченныхъ людей привезли въ Англію, народъ при видѣ этихъ жертвъ въ городѣ Ливерпулѣ произвелъ погромъ нѣмецкихъ домовъ и магазиновъ. Когда на-дняхъ, въ городѣ Лидсѣ происходилъ съѣздъ пасифистовъ, то-есть людей, которые хотятъ во что бы то ни стало заключить миръ съ нѣмцами, англійскій народъ опять, въ негодованіи за дружбу съ нѣмцами, сталъ громить ихъ дома. Когда главарь англійскихъ пасифистовъ Макдональдъ собрался ѣхать на совѣщаніе съ нѣмецкими соціалъ-демократами, матросы и кочегары, объединенные въ союзъ, заявили, что не станутъ служить на томъ кораблѣ, который его повезетъ. Англичанамъ сейчасъ непонятна и возмущаетъ ихъ та дружба, какую иные изъ нашихъ соціалъ-демократовъ почувствовали къ нѣмецкимъ товарищамъ, несмотря на всѣ подлости, сдѣланныя нѣмцами съ попустительства, а иногда и соучастія соціалъ-демократовъ. Не капиталистъ, а представитель англійскихъ рабочихъ Гендерсонъ пріѣзжалъ въ Петроградъ и спрашивалъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, желаютъ ли русскіе итти вмѣстѣ противъ нѣмца и могутъ ли теперь выставить боеспособную армію. При этомъ условіи онъ обязывался воздѣйствовать на свое правительство, чтобы оно не задавалось завоевательными планами и не затягивало этимъ войны. Хорошо объединенный рабочій классъ въ Англіи имѣетъ большое вліяніе на правительство, но и чувствуетъ свою отвѣтственность за судьбу отечества, которое онъ не предоставитъ на произволъ нѣмцамъ, повѣривъ ихъ пустымъ словамъ. И колеблется его довѣріе къ русскимъ товарищамъ, которые не умѣютъ въ этомъ разобраться.

Для Франціи нынѣшняя война имѣетъ иное значеніе, чѣмъ для Англіи, такъ какъ положеніе ея совсѣмъ иное. Французы тоже народъ богатый, промышленный, вывозятъ много своихъ издѣлій. Но они вырабатываютъ дорогіе товары высокаго качества—шелка, женскіе наряды, до-

рогія вина, съ которыми нѣмцы соперничать не могутъ. Кромѣ того во Франціи населеніе почти не прибавляется, такъ что даже своихъ колоній они заселить не могутъ. Земля во Франціи принадлежитъ большею частью крестьянамъ, мелкимъ земледѣльцамъ, которые обрабатываютъ ее очень хорошо, такъ что большую часть хлѣба, овощей, сахара французы получаютъ у себя на родинѣ. Французъ очень бережливъ, ежегодно откладываетъ часть дохода; каждый крестьянинъ или мелкій служащій накапливаетъ себѣ къ концу жизни маленькій капиталецъ. Но французъ не очень предпріимчивъ, а въ особенности очень неохотно уѣзжаетъ съ родины; поэтому онъ предпочитаетъ свой капиталъ давать другимъ изъ маленькаго процента; такъ французы дали Россіи взаймы изъ 4—5 процентовъ нѣсколько милліардовъ рублей на государственныя надобности, да много милліоновъ вложили въ заводы и предпріятія въ Россіи. Даже нѣмцамъ они охотно давали взаймы свои капиталы и позволяли имъ свободно у себя селиться и торговать. Дошло до того, что въ одномъ спорѣ изъ-за владѣній въ Африкѣ нѣкоторые французскіе капиталисты тянули руку нѣмецкихъ, потому что давали имъ въ ссуду свои капиталы и были заинтересованы, чтобы тѣ получили барышъ, за что французы-патріоты ихъ укоряли.

У французовъ осталась жестокая обида съ 1870 года, когда они были разбиты нѣмцами; помимо обиды самолюбія и убытковъ (нѣмцы взяли у нихъ 2 милліарда рублей контрибуціи), французы были справедливо раздражены отнятіемъ у нихъ двухъ богатыхъ областей—Альзаса и Лотарингіи. Онѣ когда-то были нѣмецкими, но за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ были присоединены къ Франціи, вполнѣ слились съ ней, пережили съ ней великую французскую революцію 1789 г., населеніе ея говорило по-французски и дорожило своей связью съ этой образованной, богатой и свободной страной. Когда ихъ насильно оторвали отъ Франціи, многіе альзасцы навсегда уѣхали съ родины, чтобы не подчиняться нѣмцамъ. Нѣмцы ввели тамъ свои порядки, насильно заставляли учиться нѣмецкому языку, хватали и сажали въ тюрьму всѣхъ, кого подозрѣвали въ сочувствіи французамъ, держали въ завоеванныхъ областяхъ большія войска, чтобы подавлять малѣйшія народныя движенія.

Однако съ теченіемъ времени французы даже съ этой потерей стали примиряться; французскіе соціалъ-демократы заводили уже дружбу съ нѣмецкими и добивались только того, чтобы ихъ братьямъ въ Альзасѣ и Лотарингіи были

предоставлены всѣ права автономіи, чтобы имъ жилось не хуже, чѣмъ французамъ въ своемъ отечествѣ. Подъ этимъ условіемъ часть французовъ даже поступалась своимъ самолюбіемъ, отказывалась сводить счеты за старое, чтобы не возбуждать новой войны. Бѣда была въ томъ, что нѣмцы не хотѣли признавать за альзасцами права быть французами. Устроивъ тамъ для вида безвластное собраніе представителей, нѣмцы продолжали вести себя въ Альзасѣ, какъ завоеватели; всего за годъ до войны грубые и надменные офицеры произвели въ городкѣ Савернѣ громадный скандалъ, цѣлый день по всему городу безчинствовали, перехватали и посадили въ тюрьмы и подвалы всѣхъ самыхъ уважаемыхъ жителей города, надругались надъ французскими флагами и т. п. Въ противоположность англичанамъ, которые въ теченіе 15 лѣтъ сумѣли примирить съ собой завоеванныхъ буровъ, уважая ихъ права и ихъ народность, нѣмцы за 45 лѣтъ не вызвали въ Альзасѣ никакой любви, потому что, опьяненные своей силой, умѣли только оскорблять народныя чувства, мѣшали тѣмъ французамъ, которые хотѣли бы прекратить долгую вражду.

О примиреніи съ французами нѣмцы вовсе не старались, ибо разсчитывали еще разъ побѣдить и окончательно обезсилить ихъ. Нѣмцы считаютъ вообще всѣ другіе народы ниже себя, но французовъ въ особенности считали развращенными, слабыми, раздѣленными на партіи и надѣялись однимъ ударомъ быстро покончить съ ними. Побѣда эта нужна имъ была, чтобы захватить обширныя заморскія французскія колоніи, а самую Францію обложить тяжелой контрибуціей, воспользоваться накопленными ею капиталами (нѣмецкія газеты въ началѣ войны уже требовали съ нея 40 милліардовъ франковъ, то-есть въ восемь разъ больше чѣмъ въ 1870 г.) Надѣялись они присоединить къ себѣ и въ Европѣ пограничную французскую область, богатую заводами и угольными копями, а главное разсчитывали, что послѣ новаго пораженія и ограбленія Франція уже не встанетъ, что она на вѣки-вѣковъ будетъ для нѣмцевъ безопасна и тогда они смогутъ все свое вниманіе и всѣ свои силы обратить на Востокъ, на Россію и другія восточныя страны, на которыя нѣмцы всегда смотрѣли съ особенной жадностью и куда всегда особенно сильно напирали. Этотъ «напоръ на Востокъ» сталъ для нѣмцевъ за послѣдніе полвѣка какъ бы священнымъ дѣломъ отечества, главной мыслью Вильгельма за все время его царствованія, болѣе важнымъ даже, чѣмъ борьба съ Англіей.

Какъ выше было сказано, нѣмцамъ для расширенія своей торговли нуженъ рынокъ сбыта своихъ издѣлій и мѣсто для закупки хлѣба и сырья для своихъ фабрикъ и заводовъ. Россія богата и хлѣбомъ, и всякимъ сырьемъ, другія страны Востока, особенно Турція также. Притомъ въ Россіи не хватаетъ своихъ фабрикъ и мастерскихъ изготовлять всѣ машины, орудія, ткани, какія намъ нужны, и недостающее привозятъ намъ иностранцы. Турція еще менѣе образована, чѣмъ Россія, почти совсѣмъ лишена фабрикъ и не имѣетъ ни капиталовъ, ни инженеровъ, ни техниковъ для ихъ устройства. А между тѣмъ Россія сосѣдка Германіи, Турція находится близко отъ Австріи, отдѣляясь отъ нея небольшими слабыми странами—Сербіей и Болгаріей, гдѣ тоже много хлѣба, скота и почти нѣтъ своихъ фабрикъ. Здѣсь передъ нѣмцами открывался широкій просторъ и они имъ пользовались. Мы знаемъ, сколько ихъ колонистовъ, купцовъ, приказчиковъ, мастеровъ было у насъ. Но въ Турціи они дѣлали гораздо больше: строили желѣзныя дороги, фабрики, сажали обширныя плантаціи, то-есть участки земли хлопковыми кустами, для своихъ бумагопрядиленъ, селили вдоль своихъ желѣзныхъ дорогъ колонистовъ.

Все это было бы хорошо, но бѣда въ томъ, что нѣмцамъ не довольно было обыкновеннаго заработка или барыша, имъ нужно было распоряжаться въ чужой странѣ хозяевами, чтобы не допускать другихъ соперниковъ, сохранит себѣ однимъ всѣ богатства и заставлять населеніе страны платить себѣ за услуги, сколько они потребуютъ. Это имъ вполнѣ удалось въ Турціи. Народъ тамъ невѣжественный, вялый, не умѣющій уберечься отъ чужого засилья; правительство состоитъ изъ вороватыхъ чиновниковъ, которые грабятъ и притѣсняютъ жителей, а иностранцамъ за взятку позволяютъ дѣлать, что угодно. Когда тамъ царствовалъ султанъ Абдулъ-Гамидъ «кровавый», извѣстный своей жестокостью, то императоръ Вильгельмъ притворялся первымъ его другомъ, ѣздилъ къ нему на поклонъ въ Константинополь, поддерживалъ всѣ насилія и безобразія турецкаго правительства, напр., избіеніе армянъ, когда всѣ державы требовали отъ султана реформъ и безопасности для христіанскаго населенія. За свою поддержку нѣмцы получали всѣ льготы, ихъ купцы вездѣ охранялись, ихъ инженеры строили дороги, заводъ Круппа ставилъ туркамъ пушки, нѣмецкіе офицеры и генералы обучали турецкую армію, которую совсѣмъ подчинили себѣ; даже турецкую почту нѣмцы прибрали къ рукамъ, насажавъ туда своихъ

чиновниковъ. Когда въ 1908 г. произошла турецкая революція, а въ 1909 г. кровавый султанъ былъ свергнутъ съ престола, то ожидали, что пришелъ конецъ нѣмецкому владычеству. Ничуть не бывало. Вильгельмъ измѣнилъ своему старому другу, котораго посадили въ заточеніе и сталъ такъ же дружить съ новымъ султаномъ, и съ партіей младо-турокъ, стоящей теперь у власти. Пользуясь своимъ вліяніемъ и подкупомъ, онъ втянулъ турокъ теперь въ ненужную совсѣмъ туркамъ и разорительную войну съ Россіей, во время которой они уже потеряли Эрзерумъ, Трапезундъ и всю Арменію. Нѣмцы внушали туркамъ выгнать всѣхъ иностранцевъ—нашихъ союзниковъ, англичанъ, французовъ, итальянцевъ, подбили ихъ вырѣзать половину армянъ, трудолюбиваго торговаго племени, за его сочувствіе Россіи, а евреевъ въ Палестинѣ разгромить за сочувствіе англичанамъ, и теперь нѣмцы остались одни хозяевами, командирами и торговцами въ Турціи среди невѣжественнаго и забитаго населенія. Чтобы пріобрѣсти больше преданности и довѣрія, нѣмцы распространяли даже слухъ, будто императоръ Вильгельмъ переходитъ въ магометанскую вѣру, будто Парижъ взятъ нѣмцами и т. п. не былицы. А тѣмъ временемъ они скупали и вывозили къ себѣ весь хлѣбъ изъ Турціи и довели ее до голода.

То, что нѣмцы сдѣлали въ Турціи во время войны, они разсчитывали одновременно и навсегда сдѣлать со всѣми странами Востока. Но между ними и турками лежали христіанскія мелкія государства Балканскаго полуострова. Поэтому, чтобы проложить себѣ путь на Востокъ надо было подчинить себѣ эти страны. Нѣмцы начали съ того, что насажали туда своихъ родственниковъ въ короли: румынскій король и болгарскій царь—нѣмцы (нынѣшній румынскій король перешелъ на сторону союзниковъ, но его предшественникъ Карлъ въ началѣ войны тянулъ руку нѣмцевъ), греческій король Константинъ женатъ на нѣмкѣ, родной сестрѣ Вильгельма, а нынѣ царствующій тамъ Александръ—ея сынъ. Только Сербія да маленькая Черногорія не поддавались. Вотъ почему нѣмцамъ надо было во что бы то ни стало скрутить ихъ, поработить храбрый и независимый сербскій народъ. Вотъ почему они ухватились такъ жадно за предлогъ убійства австрійскаго наслѣдника; не было бы этого предлога, выдумали бы другой, потому что имъ надо было закрѣпить не только свою торговлю, которой и такъ не мѣшали, а свою власть надъ восточными народами, высасывать изъ нихъ соки, пользуясь ихъ довѣрчивостью,

слабостью и неумѣніемъ защищать себя. Въ этомъ и заключается германскій *имперіализмъ*, стремленіе расширять свою имперію, свою власть, опираясь на силу своихъ пушекъ и штыковъ и подготовляя свое наступленіе происками, подкупомъ, лживыми увѣреніями въ дружбѣ.

Относительно Россіи ихъ стремленія, цѣли и способы были совершенно такіе же, какъ и на остальномъ Востокѣ. Россія представляетъ для нѣмцевъ лакомый кусокъ, потому что по своему огромному размѣру (шестая часть всей земли) и по количеству населенія (теперь болѣе 170 милліоновъ жителей) она способна дать заработокъ и поживу милліонамъ иностранцевъ; она ближе всѣхъ къ Германіи, а главное русскій народъ еще недостаточно образованъ и не привыченъ къ промышленному труду, чтобы использовать всѣ природныя богатства нашего отечества и выработать всѣ издѣлія, какія намъ нужны. Извѣстно, что съ Петра Великаго мы учились и ремесламъ, и всякимъ наукамъ у нѣмцевъ, которыхъ часто русское правительство само выписывало и селило въ Россіи. Пока Германія была слаба, подѣлена на разныя королевства и княжества, это было не опасно. Но положеніе измѣнилось, когда въ 1871 году образовалась подъ бокомъ у насъ сильная германская имперія, которая взялась покровительствовать всѣмъ нѣмцамъ на свѣтѣ.

Нѣмцы строили у насъ фабрики или вступали въ компанію съ русскими купцами, чтобы наблюдать и направлять русскую промышленность къ своей выгодѣ; они покупали земли иногда у западной границы, откуда теперь наступала германская армія, иногда въ глубинѣ Россіи, даже въ Сибири, при чемъ нѣмецкіе банки давали колонистамъ деньги на покупку за самый ничтожный процентъ. Многіе русскіе инженеры, техники, ученые ѣздили учиться въ Германію; постепенно русскій человѣкъ привыкъ смотрѣть на нѣмца, какъ на учителя, и это сейчасъ еще чувствуется во многихъ нашихъ сужденіяхъ о нѣмцахъ. Нѣмцы старались внушать свои мысли русскому правительству и это было тѣмъ болѣе легко имъ, что жены всѣхъ русскихъ царей съ Петра Великаго были нѣмки, за исключеніемъ жены Александра III, датчанки Маріи Ѳеодоровны. Много служило на высокихъ должностяхъ нѣмецкихъ бароновъ, родившихся въ Прибалтійскомъ краѣ, но проникнутыхъ тѣмъ же духомъ. Добросовѣстный или корыстный, нѣмецъ всегда былъ убѣжденъ, что русскій человѣкъ невѣжда и что его надо учить, а за это ученье мы обязаны нѣмцамъ платить. Многіе германскіе писатели высказывали мнѣніе,

что мы и вообще славяне—навозъ, который долженъ удобрить нѣмецкую культуру, то-есть обязанъ своимъ чернымъ трудомъ обогатить германскій народъ, помочь ему стать еще образованнѣе и сильнѣе. Германское правительство шло дальше. Оно старалось поддержать въ Россіи невѣжество, рознь и произволъ. Поэтому, какъ и въ Турціи, императоръ Вильгельмъ представлялся первымъ другомъ царя и поощрялъ всѣ безобразія и ошибки нашего стараго режима,—угнетеніе отдѣльныхъ народностей, раздувавшее рознь въ русскомъ государствѣ, сопротивленіе освободительному движенію въ 1906 году. Для того, чтобы распоряжаться въ Россіи свободно и извлекать изъ нея пользу себѣ, германскому правительству нужно было держать русскій народъ въ рабствѣ и темнотѣ; ему на руку было трусливое и слабое правительство Николая II, и Вильгельмъ не терялъ случая сорвать съ него уступки, выгодныя нѣмцамъ. Когда въ 1904 г. мы втянулись, какъ многіе утверждаютъ, благодаря нѣмцамъ же, въ войну съ Японіей, то Германія воспользовалась нашими затрудненіями, чтобы вынудить подписать очень невыгодный намъ торговый договоръ, по которому русскій хлѣбъ и скотъ платилъ при ввозѣ въ Германію громадную пошлину въ германскую казну, и на эту пошлину обезцѣнивался онъ внутри Россіи, такъ какъ всякій, покупавшій хлѣбъ для вывоза, впередъ скидывалъ съ цѣны этотъ расходъ. Не одно правительство германское относилось къ намъ такъ. Нѣмецкіе купцы стояли стѣной между Россіей и всѣми другими странами и не допускали насъ туда. Когда псковское земство пыталось самостоятельно продать за границей партію льна, собраннаго отъ хозяевъ-посѣвщиковъ, то нѣмецкіе купцы, банки, желѣзныя дороги оказали такое противодѣйствіе, чтобы разстроить дѣло, что земство не повторяло этой попытки, и торговля льномъ, который мы почти одни поставляемъ на всю Европу, осталась въ рукахъ нѣмцевъ. Конечно, мы сами виноваты, что у насъ нѣтъ достаточно умѣнья, сплоченности и настойчивости.

Однако съ 1906 года русскій народъ началъ просыпаться. Увеличилось число школъ, росла кооперація, живѣе пошла работа земства, было хоть урѣзанное народное представительство, которое иногда подавало голосъ. Нѣмцы съ тревогой смотрѣли на это; императору Вильгельму приписываютъ фразу, что черезъ 25 лѣтъ онъ съ Россіей не справился бы. Одинъ примѣръ показывалъ, что впредь нельзя будетъ командовать Россіей такъ легко, какъ прежде. Въ 1917 году долженъ былъ возобновляться

разорительный торговый договоръ 1904 г. И вотъ всюду, въ Государственной Думѣ, въ земствахъ, въ сельскохозяйственныхъ обществахъ поднялся крикъ, что нельзя продолжать быть данниками нѣмцевъ, что договоръ долженъ быть исправленъ въ нашу пользу. Нѣмцы увидали передъ собой новую, *народную* силу и рѣшили сломить ее, пока она не окрѣпла. Они разсчитывали, что послѣ пораженія на войнѣ Россія вынуждена будетъ подписать какой угодно торговый договоръ, который свяжетъ ее по рукамъ и по ногамъ. Это было для нихъ одной изъ главныхъ цѣлей войны съ Россіей и связано было еще съ другимъ обстоятельствомъ. Если бы, какъ выше разсказано, нѣмцамъ удалось укрѣпиться въ Турціи, въ Константинополѣ, то они не только обезпечили бы себѣ всѣ богатства Турціи, но заперли бы насъ въ Черномъ морѣ. Единственный выходъ оттуда ведетъ черезъ узкій проливъ Босфоръ, подъ стѣнами и пушками Константинополя (древняго Царьграда); та власть, которая сидитъ въ Царьградѣ, будетъ держать въ рукахъ всю торговлю нашего Юга, богатѣйшей области Россіи; черезъ южныя гавани—Одессу, Ростовъ, Новороссійскъ и другія—вывозится половина всѣхъ грузовъ, какіе мы продаемъ за границу. Каждая помѣха этой торговлѣ роняетъ цѣны всюду—на Дону, на Волгѣ, въ Москвѣ. И въ этой войнѣ, еще до нападенія турокъ на насъ, они заперли намъ выходъ изъ Чернаго моря и тѣмъ отрѣзали насъ и отъ торговли, и отъ сношеній съ союзниками.

Послѣ нашей революціи германское правительство, совершенно такъ же, какъ оно поступало въ Турціи послѣ сверженія Абдулъ-Гамида, стало заигрывать съ русской демократіей, германская армія послѣ одного нападенія на Стоходѣ, прекратила наступленіе, нѣмецкимъ солдатамъ было велѣно брататься съ нашими, вывѣдывая въ разговорѣ наше расположеніе; самъ главнокомандующій Гинденбургъ выразилъ согласіе на миръ «безъ аннексій и контрибуцій», ибо это избавляло Германію отъ платежа за убытки и не мѣшало ей основаться въ Константинополѣ подъ видомъ союзника на шеѣ у одураченнаго турка, не мѣшало ограбить насъ подъ благозвучнымъ предлогомъ свободы торговли и дружескаго торговаго договора. Вотъ почему нѣмцы, враги свободы и демократіи, всюду заговорили о сочувствіи русской революціи, вотъ почему забѣгали преданнѣе Вильгельму соціалъ-демократы въ родѣ Шейдемана, котораго нѣмецкія буржуазныя газеты прочатъ въ министры; вотъ откуда эти старанія германскихъ соціалъ-имперіалистовъ руками русскихъ слишкомъ довѣрчивыхъ

товарищей вновь наладить Интернаціоналъ, чтобы заставить соціалистовъ всѣхъ странъ служить интересамъ Германіи или по крайней мѣрѣ спасти ее отъ заслуженныхъ послѣдствій ея мірового разбоя.

Такимъ образомъ для насъ русскихъ война преслѣдуетъ только цѣли обороны, защиту своей самостоятельности особенно въ хозяйственной жизни; это—борьба противъ эксплуатаціи насъ болѣе сильнымъ народомъ. Мы имѣемъ еще столь мало фабрикъ и заводовъ, что не успѣваемъ самихъ себя обуть, одѣть, снабдить орудіями; нечего и говорить о завоеваніи чужихъ рынковъ; дай Богъ со своими покупателями справиться. Мы вывозили до сихъ поръ сырье, притомъ въ совершенно не переработанномъ видѣ,—хлѣбъ въ зернѣ да еще сорный, ленъ-сырецъ и теряли очень много отъ того, что отпускали товаръ низкаго качества и не выручали за него настоящей цѣны. Вывозить сырье мы вынуждены, потому что нуждаемся въ иностранныхъ товарахъ и должны за нихъ расплачиваться, да и вообще нѣтъ народа и государства, которое бы могло теперь обойтись безъ обмѣна съ другими народами; даже дикари вымѣниваютъ свои мѣха или слоновую кость на европейскіе ружья, наряды и напитки. Но для насъ важно продать свой товаръ по настоящей цѣнѣ, важно не только для купцовъ, а для сельскихъ хозяевъ, ибо продаемъ мы, какъ говорено уже, сырье, то-есть произведенія земли, а ихъ ставитъ на рынокъ главнымъ образомъ мелкій хозяинъ: изъ всего продаваемаго на нашихъ базарахъ хлѣба девять десятыхъ (90%) крестьянскаго хлѣба, а теперь, съ передачей земли народу, онъ будетъ уже весь крестьянскій, и потому весь народъ заинтересованъ, чтобы послѣ войны онъ былъ въ цѣнѣ и торговля возобновилась безъ помѣхъ. Конечно, необходимо, чтобы народъ, а не купцы-посредники получали отъ этого пользу, но это уже дѣло наше внутреннее; для этого нужно развитіе «сплочины», кооперацiи, объединеннаго сбыта прямо отъ мѣста производства въ тѣ страны, которыя требуютъ нашего хлѣба. Такіе опыты уже бывали передъ войной—на Дону, на Украинѣ нѣкоторыя сельскохозяйственныя общества и товарищества стали сбывать хлѣбъ въ Ростовъ и Одессу. Выше разсказана попытка псковскаго земства наладить сбытъ льна отъ хозяевъ. Надо ожидать, что теперь, безъ тормазовъ для свободы союзовъ, кооперація разовьется пышно, но чтобы она достигла вполнѣ своей цѣли, ей нужна независимость не только внутри страны, но и во внѣшней торговлѣ: нужно имѣть право договариваться съ ино-

странцемъ, какъ съ равнымъ, свободно возить свой хлѣбъ по морямъ, ибо хлѣбъ, какъ громоздкій товаръ, не можетъ выдержать долгой желѣзно-дорожной перевозки на далекое разстояніе. Вотъ почему намъ такъ важно правильно рѣшить вопросъ о проливахъ изъ Чернаго моря. Это не мечта какого-нибудь имперіалиста, который хочетъ захватывать побольше земель, и не расчетъ однихъ капиталистовъ-купцовъ. Свобода плаванія по проливамъ важна для всей Россіи, въ особенности для Юга и Кавказа. Оставить нѣмцевъ сидѣть на этихъ проливахъ все равно, что допустить чужого вооруженнаго человѣка сторожить ворота нашего дома, да ему же отдать ключи отъ него. Такъ было въ древности, когда печенѣги залегали на днѣпровскихъ порогахъ и грабили русскіе караваны судовъ, шедшихъ въ Царьградъ или возвращавшихся оттуда. При современномъ развитіи торговли допустить укрѣпленіе чужой силы съ такими захватными стремленіями, какъ у нѣмцевъ, на нашемъ главномъ торговомъ пути, значитъ стать навѣки данниками чужестранцевъ; мы должны думать теперь не только о себѣ, но о дѣтяхъ и внукахъ, ибо на много лѣтъ, можетъ быть, столѣтій, рѣшается судьба народовъ и опредѣляются границы государствъ. Вотъ почему такъ сильно выдвинулся вопросъ о проливахъ, вотъ почему нѣмцы, сперва старавшіеся поссорить насъ съ англичанами на этомъ вопросѣ, теперь такъ злобятся, что этотъ вопросъ между союзниками рѣшенъ въ нашу пользу; вотъ почему они, сами засѣвшіе теперь тамъ, обвиняютъ нашихъ государственныхъ дѣятелей въ имперіализмѣ за желаніе оградить себя дома отъ чужихъ сторожей. Нѣмцы пользуются малымъ знакомствомъ нашей демократіи съ вопросомъ иностранной политики, въ которую при царѣ намъ не позволялось вмѣшиваться, и приравниваютъ нашъ контроль надъ проливами къ захвату цѣлой области. Но мы аннексій (захватовъ) не хотимъ, а желаемъ лишь свободы и справедливости для всѣхъ.

Наши союзники на Балканскомъ полуостровѣ—Сербія, Черногорія, Румынія—вовсе лишены капиталовъ, слабы по численности населенія и конечно о захватахъ мечтать не могутъ: имъ не до жиру, быть бы живу. Самую жизнь, независимость свою спасти они могутъ только съ нашей помощью. Тамъ ведется не просто оборона, а отчаянная борьба за жизнь, ибо нѣмцы истребляютъ самую сербскую народность, разоряютъ до-тла края, уводятъ жителей, чтобы приготовить мѣсто для своихъ поселенцевъ, что они дѣлали во всѣхъ славянскихъ странахъ, которыми завла-

дѣвали, какъ, напримѣръ, съ сербами въ Босніи, которую захватили въ 1878 г.

Наши союзники на Западѣ, самые сильные союзники, англичане и французы (съ марта и американцы), подвергаются меньшей опасности отъ нѣмцевъ, чѣмъ мы: они образованнѣе, богаче капиталами и техникой, чѣмъ сами нѣмцы; они лежатъ у открытаго моря, котораго нѣмцы запереть имъ не могутъ. Французы быстро оправились послѣ крупнаго пораженія 1870 г., въ которомъ виноватъ былъ ихъ императоръ Наполеонъ Третій, и теперь успѣшно сопротивляются. Но и Франціи, и Англіи нельзя спокойно жить и работать, имѣя подъ бокомъ эту вѣчную угрозу— германскій имперіализмъ, вооруженный съ головы до ногъ. 40 лѣтъ терпѣли всѣ такое положеніе, вели переговоры, пробовали устроить такой международный судъ въ Гаагѣ, который разбиралъ бы споры между государствами и тѣмъ предупреждалъ бы войны. Германія все тормозила и отъ всего отказывалась, разсчитывая, что въ случаѣ войны она будетъ сильнѣе всѣхъ и заставитъ другихъ признать свое первенство. Поэтому когда она выступила во всеоружіи, Франція и Англія тоже взялись за оружіе въ защиту своей независимости, чтобы не только теперь отразить нападеніе, но и обезпечить себя на будущее время отъ вѣчныхъ угрозъ Германіи, отъ ея жадности и попытокъ навязывать всѣмъ свою волю. Какъ въ государствѣ нестерпимо самодержавіе одного человѣка надъ всѣмъ народомъ, такъ и среди народовъ непереносимо самовластіе одного государства надъ сосѣдями.

Такимъ образомъ для нашихъ союзниковъ война является такой же оборонительной, какъ для насъ. Единственное средство обезпечить будущій миръ и свободу народовъ заключается въ томъ, чтобы лишить нѣмцевъ всякой возможности повторять такія нападенія. Опытъ Бельгіи показалъ, что никакіе договоры для нихъ не святы, что съ ними, какъ въ баснѣ Крылова съ волкомъ въ овчарнѣ, можно разговаривать только, снявши съ нихъ шкуру, то-есть отнявъ то оружіе, какимъ они вѣчно угрожаютъ свободѣ и спокойствію міра.

Долгій опытъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами и вообще большая сознательность народа, большее знакомство съ государственными вопросами побуждаетъ французовъ и въ особенности англичанъ относиться къ войнѣ гораздо горячѣе, чѣмъ мы, рѣшительнѣе стремиться къ побѣдѣ. Для нихъ не представляетъ сомнѣнія, что только побѣда приведетъ къ миру; а воззванія и совѣщанія съ нѣмцами

только затянуть войну. Въ отношеніи къ войнѣ тамъ всѣ классы и партіи согласны; соціалисты съ первыхъ же дней войны пошли въ министерство и въ республиканской Франціи (Тома, Гэдъ) и въ монархическихъ Англіи (Гендерсонъ) и Бельгіи (Вандервельде). Ярый противникъ войны и синдикалистъ во Франціи Густавъ Эрве переименовалъ свою газету въ «Побѣду» и сталъ самымъ горячимъ борцомъ за войну до побѣднаго конца. Эта единодушная поддержка войны всѣмъ народомъ лучше всего опровергаетъ росказни, будто она выдумана французскими и англійскими капиталистами и ведется въ ихъ интересахъ. Старыя демократіи умѣютъ разбираться въ вопросѣ, понимаютъ, кто имъ другъ и кто врагъ, не поддаются на лживыя обѣщанія, хотя бы они исходили отъ именующаго себя соціалъ-демократомъ. Нѣмецкимъ товарищамъ они прямо поставили вопросъ: «откажитесь гласно и рѣшительно отъ Вильгельма, перестаньте поддерживать его разбойничью политику, помогите сломать его милитаризмъ,—это всеобщее проклятіе народовъ,—тогда мы вамъ повѣримъ». Но Вильгельмъ продолжаетъ сидѣть и командовать и большинство соціалъ-демократовъ исполнять его волю не за страхъ, а за совѣсть.

Изъ всего сказаннаго видно, насколько неточно и неполно выражаетъ условія желательнаго мира та формула, которая придумана нѣмцами: «миръ безъ аннексій и контрибуцій». Аннексіей называется насильственное присоединеніе чужой области; такихъ аннексій не должно быть, но подъ нее совсѣмъ не подходитъ случай, если армяне выразятъ желаніе присоединиться къ Россіи, какъ автономная область. Съ другой стороны, оставить нѣмцамъ завоеванный ими ранѣе Альзасъ, значитъ признать аннексію только потому, что съ нея прошло 40 лѣтъ; а вѣдь въ началѣ сами нѣмецкіе соціалъ-демократы противъ нея протестовали. Еще болѣе яркій случай: Познань, оторванная и порабощенная пруссаками часть Польши, конечно, пожелаетъ быть частью независимаго польскаго государства, чѣмъ прусской провинціей. Россія, которая теперь при новомъ строѣ, открыто отрекалась отъ всякихъ правъ на Польшу, предоставила возстановлять старое королевство, можетъ потребовать, чтобы Германія сдѣлала то же. Но всѣ нѣмцы, даже с.-демократы, отъ этой уступки отказываются. Другое нѣмецкое государство, Австрія, цѣлыя столѣтія держало въ тискахъ славянъ. Дастъ ли оно имъ свободу самоопредѣленія, устроиться вмѣстѣ или врозь, какъ они хотятъ? А въ Турціи, которая съ благословенія

нѣмцевъ угнетала всѣ народы, ей подвластные, и христіанъ, и мусульманъ, неужели тоже будетъ соблюдаться принципъ «безъ аннексій» ни въ чью сторону, то-есть сохраненіе прежнихъ границъ и стало быть прежней власти? Вѣдь въ Турціи нѣтъ ни свободы, ни демократіи, ея революціонеры младо-турки—такіе же деспоты и баши-бузуки, какъ старые султаны.

Контрибуціи, то-есть штрафа, мы взыскивать не будемъ. Но взвалимъ ли мы на русскій народъ убытки отъ этой войны, вызванной нѣмцами? Какая же въ этомъ справедливость. Для нѣмцевъ это условіе—ловкое плутовство, а для насъ—какое-то странное равнодушіе къ своему народу, котораго мы не должны дать сбить и одурачить трескучими словами.

Обсуждать условія мира теперь преждевременно и даже вредно. Во-первыхъ, это создастъ противнику впечатлѣніе, будто бы мы такъ устали отъ войны, что вынуждены заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ; это дѣлаетъ его болѣе несговорчивымъ и затягиваетъ дѣйствительное заключеніе мира вмѣсто того, чтобы ускорять его. Во-вторыхъ, эти разговоры и насъ отвлекаютъ отъ настоящаго дѣла преобразованія и усиленія арміи. У многихъ отъ этихъ разговоровъ о мирѣ рождается мысль, будто конецъ войны близокъ. Отъ этого люди складываютъ руки, перестаютъ дѣятельно работать для арміи, солдатъ думаетъ только о томъ, какъ бы скорѣй вернуться домой, а то и вправду возвращается самовольно, и великое міровое дѣло защиты свободы, права, возвращенія порабощеннымъ народамъ и бѣженцамъ ихъ отечества, святое дѣло защиты нашей родины отъ хищнаго врага брошено на полдорогѣ. А тѣмъ временемъ нѣмецъ наблюдаетъ насъ изъ-за окоповъ собираетъ свѣдѣнія черезъ тысячи своихъ шпіоновъ и, видя, какъ мы забываемъ о войнѣ и разматываемъ свою силу, онъ выжидаетъ момента, когда, по его мнѣнію, нашъ развалъ позволитъ ему взять насъ голыми руками. И въ такое время онъ менѣе, чѣмъ когда-либо, склоненъ заключать миръ, а если разговариваетъ о мирѣ, то лишь для того, чтобы тянуть время и отвлечь насъ отъ дѣла.

Еще надо сказать: вѣдь мы воюемъ не одни, а сейчасъ воюютъ именно союзники и привлекаютъ на себя всѣ силы нѣмцевъ, пока мы стоимъ и разбираемся съ своими дѣлами, споримъ и обсуждаемъ, какой долженъ быть миръ. Не мы теперь можемъ рѣшать и предписывать другимъ народамъ, какой заключать миръ. Надо вровень итти съ союзниками, чтобы не быть вовсе выброшенными въ сторону,

ибо тотъ, кто отстаетъ, остается одинъ, и кто не подаетъ помощи другу, тому никто не поможетъ въ трудную минуту. А эта минута наступитъ, потому нѣмца мы словами не заговоримъ и резолюціями не испугаемъ. Онъ будетъ стоять у насъ подъ бокомъ, въ нашей странѣ, пока мы сами его не выгонимъ. И только сами мы исполнимъ свое дѣло, вынесемъ на своихъ плечахъ свою долю борьбы съ общимъ врагомъ свободы народовъ, сможемъ мы предъявлять свои требованія и вліять на условія мирнаго договора. А не имѣя дѣйствительной силы въ арміи, если мы не сплотимъ и не снабдимъ ее всѣмъ нужнымъ, наша молодая демократія будетъ для другихъ народовъ только мальчикомъ, который шутитъ и придаетъ себѣ важности, а сдѣлать ничего не можетъ. По этому будетъ и оцѣнка намъ.

Еще одно слово, одно послѣднее возраженіе, какое можетъ быть противъ войны: она—дѣло не-христіанское; не надо ли сейчасъ бросить оружіе и прекратить войну, чтобы избѣжать новыхъ убійствъ, новой крови и слезъ?

Да, война противна Христовой любви, и тотъ, кто вызвалъ ее и ведетъ ее съ хитростью и жестокостью, какъ нѣмцы, несомнѣнно врагъ Христа и на него падетъ вся пролитая кровь. Но значитъ ли это, что съ нимъ надо мириться?

Труденъ и дологъ тотъ путь, которымъ человѣкъ идетъ въ жизни къ правдѣ и добру. Не даромъ дается Царствіе Божіе, а усиліемъ, жертвой пріобрѣтается. Человѣкъ обязанъ исполнить свой долгъ передъ народомъ, передъ всѣмъ человѣчествомъ, хотя бы ему это стоило жизни. И нѣтъ больше той любви, когда кто душу свою кладетъ за друзей своихъ. Почему нужна эта жертва? Потому что сила зла велика въ человѣкѣ и нельзя ее побороть однимъ только словомъ и нельзя оставлять въ жертву злому и сильному слабыхъ и невинныхъ. Когда нужна жертва? Тогда, когда человѣкъ, отдавая свою жизнь, спасаетъ отъ смерти другого. Именно это и предстоитъ сдѣлать всѣмъ, кто борется съ нѣмцами. Народы три года уже бьются и истекаютъ кровью, но если мы теперь, изъ ложно понятого человѣколюбія, бросимъ войну, мы не уменьшимъ, а увеличимъ кровопролитіе: останется нѣмецкая военщина, которая, передохнувъ и собравшись съ силами, вновь пойдетъ на міръ войной, чтобы продвинуться еще дальше, возвысить свою власть надъ народами. Всѣ жертвы, принесенныя доселѣ, пропадутъ даромъ, и кровопролитіе начнется опять съ начала. Уберегшись теперь на время,

мы подвергаемъ и себя самихъ, и дѣтей, и внуковъ вѣчной опасности и повторной бойнѣ.

Мы видимъ теперь милліоны людей, бродящихъ безъ пристанища, мы знаемъ, что милліоны другихъ, невинныхъ, мирныхъ людей, были убиты, замучены, утоплены, умерли отъ нуждъ, жестокаго обращенія вдали отъ родины, въ плѣну и въ изгнаньи. Мы можемъ простить наши личныя обиды, но не можемъ простить за другихъ, съ легкимъ сердцемъ забыть про всѣ эти страданія и побрататься теперь съ насильниками, оставить ихъ спокойно усѣсться на могилахъ ихъ жертвъ и пользоваться награбленнымъ добромъ. Не о запоздалой мести идетъ рѣчь,—убитыхъ ужъ намъ не воскресить,—но о томъ, чтобы помѣшать на будущее время производить новыя злодѣйства.

Милліоны солдатъ и нашихъ, и союзныхъ шли въ бой за то, чтобы отразить насильниковъ, возстановить право, освободить порабощенныхъ. Шли ли они только изъ-подъ палки за непонятное, чужое дѣло, за барыши капиталистовъ? Нѣтъ это ложь. Мы помнимъ, какъ проходила первая мобилизація, какъ твердо и сознательно шли наши запасные, какъ встрепенулся и напрягся весь народъ, почуявъ въ нѣмцѣ опаснаго врага. И ужъ конечно не изъ-подъ палки шли добровольцы-англичане, шли бельгійскіе и французскіе рабочіе защищать свое отечество. И сотни тысячъ ихъ сложили свои головы за великое общее дѣло. И мы, которые теперь колеблемся, разсуждаемъ, топчемся на мѣстѣ, мы ведемъ къ тому, чтобы всѣ эти жертвы сдѣлать безполезными, отнять послѣднее утѣшеніе умирающихъ, что ихъ смерть служитъ на благо людямъ.

Солдатъ сталъ гражданиномъ. Гражданскій долгъ состоитъ не только въ томъ, чтобы записаться въ партію и голосовать на выборахъ, но и въ томъ, чтобы посмотрѣть смерти въ глаза ради спасенія отечества и народа отъ рабства. «Зачѣмъ мнѣ земля и свобода, если я завтра умру?»— спросилъ одинъ солдатикъ Керенскаго. Да, у *тебя* не будетъ ея, ибо на томъ свѣтѣ она тебѣ не нужна, но ты своей смертью добудешь ее всему народу; а если трусомъ отступишь и отдашь врагу сегодня одинъ вершокъ, завтра два и такъ далѣе, то не будетъ тебѣ ни земли, ни свободы, хоть ты и останешься жить; но и жить будешь презрѣннымъ рабомъ, который на минуту добылъ себѣ свободу и сумѣлъ ею воспользоваться только для того, чтобы бѣжать и предать отечество на позоръ и гибель. Впослѣдствіи ты все-таки умрешь, какъ ни береги себя,—и вколотитъ народъ русскій осиновый колъ въ могилу предателя, и сынъ и

внукъ твой плюнутъ на могилу, того, кто своимъ непониманіемъ и трусостью обрекъ ихъ гнуть спину и работать на безжалостнаго завоевателя-эксплуататора.

Не одинъ только русскій народъ отъ этого пострадаетъ.

Если мы продлимъ еще наши споры и колебанія, то мы и никто другой будетъ виноватъ въ томъ, что жизнь на землѣ обратится въ адъ. Нѣмцы въ этой войнѣ пустили въ ходъ самыя смертоносныя средства: разрывныя пули, ядовитые газы, чудовищныя бомбы; они дѣйствовали насиліемъ, обманомъ, подкупомъ,—подзывали бѣлымъ флагомъ противника и разстрѣливали въ упоръ, братались, подъ видомъ сочувствія къ революціи, съ нашими солдатами, а потомъ, снявъ наши позиціи, били по нимъ въ упоръ, а иногда отравляли солдатъ своимъ угощеньемъ. Не было той подлости и насилія, какія бы не произвели Вильгельмъ и его солдаты. Если эта, по истинѣ антихристова, политика увѣнчается для нихъ успѣхомъ и всѣ ихъ преступленія сойдутъ имъ съ рукъ, то не только нѣмцы увѣрятся въ своей правотѣ, но и другіе народы станутъ подражать имъ, ибо убѣдятся, что для того, чтобы отстоять себя, нужно забыть всякую человѣчность, и честность, потерять всякій стыдъ и образъ Божій. Тогда все, чему въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ учило христіанское Евангеліе, что писали ученые и философы, что провозглашали борцы за освобожденіе человѣчества, въ теченіе всего послѣдняго столѣтія, будетъ забыто. Человѣкъ вернется къ языческому, звѣриному житью, какіе бы новые предметы и орудія онъ ни изобрѣлъ. Сильный и безсовѣстный, не сдержанный никакой нравственной заповѣдью, человѣкъ будетъ давить слабаго, и мы будемъ дальше, чѣмъ когда-нибудь, отъ царства свободы, братства и равенства всѣхъ людей. Нельзя служить одновременно Богу и Мамонѣ, кланяться заразъ Христу, и Антихристу; нельзя взывать къ свободѣ и мириться съ деспотомъ, мечтать водворить общій миръ и равенство и въ то же время складывать оружіе передъ насиліемъ. Народъ, только что освободившій себя, не можетъ отвернуться отъ общей борьбы за свободу,—иначе онъ самъ лишится этой долгожданной свободы и заслужитъ проклятье всѣхъ тѣхъ народовъ, которые на него надѣялись и съ нимъ шли строить новый свободный братскій союзъ народовъ.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ.
Москва, Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

БРОШЮРЫ

Подъ ред. Проф. Н. Н. Алексѣева.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ Собранія 1613 и 1917 г. Ц. 30 коп.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы русской революціи. Ц. 25 коп.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли соціальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Ц. 30 коп.

ПОЯВЯТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое соціализмъ?
8. Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время.
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЬЯНЪ. Что такое свобода.
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція.
12. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и современный «большевизмъ».
14. Проф. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ.
17. Проф. М. Н. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ Учредительномъ Собраніи.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. «Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками».
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхованіе отъ безработицы.

DUK N54694